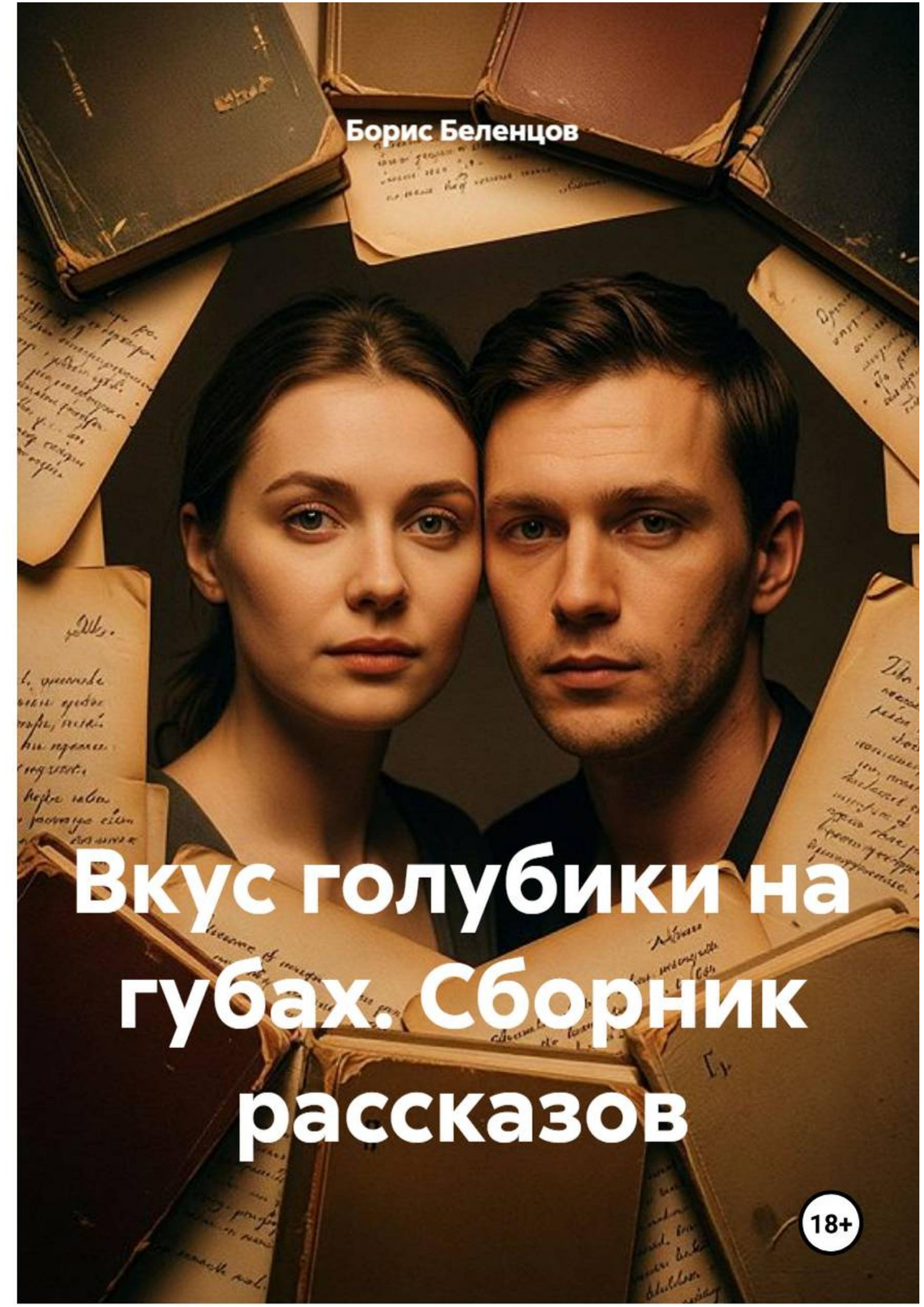

Борис Беленцов

Вкус голубики на губах. Сборник рассказов

18+

Борис Беленцов

**Вкус голубики на губах.
Сборник рассказов**

«Автор»

2026

Беленцов Б.

Вкус голубики на губах. Сборник рассказов / Б. Беленцов —
«Автор», 2026

В сборнике рассказы разных лет о любви и измене, верности и предательстве,
крепкой мужской дружбе.

© Беленцов Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

северные рассказы	5
Вкус голубики на губах	5
Подаренная любовь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Беленцов

Вкус голубики на губах. Сборник рассказов

северные рассказы

Вкус голубики на губах

После очередной смены, в душевой, мы договорились поехать за грибами. По выезду из шахты, когда мы нежились под тёплыми струйками воды, смывая с себя угольную пыль и усталость, Андрюха предложил: «Мужики, махнём в выходные за грибами на Сивую Маску, их там, говорят, нынче тьма!». Сивая Маска – это железнодорожная станция, в двухстах километрах от города. Кто и когда ей дал такое экзотическое название, для меня до сих пор остаётся тайной. Ездили мы туда за грибами не один раз, всегда удачно, и эти поездки всем очень нравились. Так повелось, что женщин в такие поездки мы не брали принципиально. Но на этот раз наш приятель Мишка заявил: «Моя Ленка давно уже просится поехать за грибами. Можете думать обо мне всё что угодно – я один не поеду – не хочу её обижать». Мы замолчали. Разбавлять наш тёплый мужской коллектив, пусть даже женой друга, совсем не хотелось. Ленка, конечно, отличная девчонка: весёлая, общительная, совсем не зануда и очень даже симпатичная, но с ней поездка теряла тот колорит, который бывает в мужской компании: выпивка, разговоры о женщинах, крепкие выражения и прочее. Да и вообще, печорская тайга – не самое лучшее место для слабого пола: комары, гнус, бурелом и валежник, условия приближенные к экстремальным. Но август был на излёте, и к следующим выходным капризная северная погода могла преподнести нам сюрприз в виде снега – мы согласились. Договорились встретиться на вокзале, за час до отправления поезда.

Из нашего города поезда идут только в одну сторону. Станция конечная, дальше железной дороги нет – край земли, конец света. Вокзал небольшой, народ на нём скапливается только когда приходит и уходит поезд. Поездов всего два – скорый и пассажирский – оба до Москвы. Мы ездили пассажирским, поскольку скорый на станции Сивая Маска не останавливался. Выезжали ночью, к утру были на месте.

Когда я приехал на вокзал, до отхода пассажирского поезда оставалось минут двадцать. У входа я увидел Андрюху, он был с корзиной, а за спиной виднелся рюкзак.

- Слава Богу, я уже думал никого не дождусь, – обрадовался он.

- А что, Мишки с Ленкой ещё нет?

- Ну, ты наивный, я тебе скажу. Женщина, даже в поездку за грибами, собирается как на бал, – с усмешкой ответил Андрюха.

- Ничего, подождём. Билеты есть?

- Есть, лишь бы они приехали вовремя. Не нравится мне такая канитель. Зачем Ленка с нами увязалась, наемся мы с ней.

Я не успел ответить – от автобусной остановки к нам торопливо шёл Мишка с женой.

- Мы не опоздали, – ещё издали кричала и махала нам рукой Лена. Мишка, еле поспевая за ней, тащил на себе рюкзак, два пустых ведра и корзину.

- Ой, простите нас, мальчики. Давно ждёте? – она тараторила без остановки, её глаза светились радостью и счастьем, как у ребенка, которого взрослые взяли с собой в увлекательное путешествие. Мы с Андрюхой деликатно промолчали. До отхода поезда оставалось пятнадцать минут.

Вагон был полупустой, что нас очень обрадовало. Мы заняли отдельное купе и не успели разложить на полках свои нехитрые пожитки, как поезд тронулся, за окном замелькали телеграфные столбы и унылый пейзаж осенней тундры. Мы потянулись к рюкзакам и стали выкладывать на стол запасы провизии. Потом открыли бутылку водки и наполнили стаканы.

- Лен, ты с нами выпьешь, за компанию?– наверное, больше для приличия спросил Мишка.

- Ты же знаешь, я не пью. А вам можно немножко, только не увлекайтесь, а то заснёте, и Сивую Маску проедем. Ладно, не буду мешать, схожу за чаем, – и она вышла из купе.

- Давай по второй, пока её нет, а потом закусим!– предложил Мишка. Выпили по второй, пустую бутылку, чтобы не мозолила глаза Лене, убрали под стол, открыли новую и, не спеша, потянулись за закуской.

- Слушай, ну зачем ты её взял? Теперь не выпить, не поговорить толком, – опять занудил Андрюха. Мишка виновато промолчал, а я примирительно ответил ему:

- Перестань, уже ничего не изменишь. Давай сходим, покурим, а потом в картишки перебросимся. Мы вышли в тамбур покурить. Когда вернулись, Лена была в купе, а на столе стояли четыре стакана чая.

- Будем пить чай, – улыбнулась она. Мы с Андрюхой переглянулись.

- Вообще-то мы хотели поиграть в карты,– пробурчал Андрюха.

- Потом поиграете, вначале попьём чая! Зря я, что ли старалась!– напористо сказала она. В ней было столько энергии и обаяния, что отказать ей было просто невозможно, и мы согласились.

Почаёвничав, мы стали резаться в «дурака». Лена в карты играть отказалась, сказав: «Я лучше отдохну», – забралась на вторую полку и притихла. В купе тускло светила лампочка, ритмично стучали колёса, поезд мчался по необъятным просторам Севера. За окном была крошечная тьма, но я знал, что там тянется лесотундра – редкие чахлые ели, болота с островками, заросшими клюквой и морошкой, – картина тоскливая и безрадостная.

На место назначения мы прибыли далеко за полночь. На перроне тускло светили несколько лампочек. Сивая Маска была обычной северной станцией: небольшой деревянный вокзал, несколько барачков и домик для путейских бригад. Низкое северное небо было затянуто облаками. Мы выгрузились, и знакомой дорогой, по шпалам, двинулись в ту же сторону, куда ушёл поезд. Отойдя, наверное, километра три от станции, сошли с насыпи вправо и углубились в тайгу. Почему вправо? Потому, что влево от железной дороги, всего в нескольких километрах, текла река Уса – приток Печоры, и поиск грибов был ограничен рекой и железной дорогой. Облюбовав небольшую полянку, мы нарубили лапника, развели костёр, и стали дожидаться, когда рассветёт, и можно будет отправиться собирать грибы.

Расстелив на земле кусок полиэтиленовой плёнки, мы выложили на него продукты, а сами расположились на лапнике, вокруг импровизированного стола. Трещали дрова в костре, отблески пламени играли на наших лицах, из тайги доносились загадочные и пугающие звуки. Где-то далеко остался привычный мир с благами цивилизации, а здесь, на расстоянии вытянутой руки, шумела глухая тайга со своими законами, и непонятной, а зачастую и опасной, жизнью.

Лето на Севере понятие условное, а уж середина августа и подавно – поздняя осень с холодными ночами и ранними заморозками. Сидя на лапнике у костра мы почувствовали эти прелести в полной мере: лица наши пылали от жаркого огня, а спины ощутимо мёрзли. Не буду скрывать, но на ночёвку мы не рассчитывали и одеты были легко: фланелевые рубашки, свитера и брезентовые штормовки.

- Миш, я замёрзла, – сказала Лена и прижалась к Мишке спиной.

- Я же тебе говорил, что одеваться нужно теплей. Теперь терпи – скоро рассветет, пойдем собирать грибы – согреешься, – ответил он

Я смотрел на них и думал: «Они такие разные и, казалось бы, совсем не подходят друг другу, но вот живут, и наверное счастливы – вон как она к нему прижимается». Мы разлили по стаканам водку и выпили за удачную грибную охоту. По телу разлилось приятное тепло. И вот уже не такой загадочной казалась тайга, и, что удивительно, теплее стало спине. Лена не обращала на нас внимания, она не участвовала в наших разговорах, не пила и не ела, только смотрела на огонь и чему-то загадочно улыбалась. Неожиданно она оторвала взгляд от костра и, обращаясь одновременно ко всем, сказала: «Как хорошо здесь: лес, костёр и первозданная тишина. Спасибо вам, мальчики, что взяли меня с собой», – и ещё теснее прижалась к Мишке. Это было так умиротворяюще, а в руках у нас были наполненные стаканы, что у меня невольно вырвалось:

- А давайте, мужики, выпьем за Лену, единственную женщину среди нас! Лена скромно опустила глаза и чуть слышно произнесла:

- Спасибо.

Между тем, небо постепенно светлело, и уже можно было хорошо видеть на его фоне остроконечные верхушки елей, обступивших поляну. День сменял ночь, и мы торопливо стали собирать свои пожитки и тушить костёр, чтобы скорее отправиться на «тихую охоту», хотя торопиться было незачем – в округе на многие километры других «охотников» не было.

- Граждане грибники, далеко не расходиться и постоянно перекликаться, – напомнил я, на всякий случай, непреложное правило поведения в тайге.

- Да, не в первый раз замужем – знаем, – отмахнулся Андрюха.

- Не все такие опытные, как ты, Андрюша. Я, например, в первый раз, и замужем, и за грибами поехала – засмеялась Лена. Так, с шутками и прибаутками, мы растолкали по рюкзакам остатки продуктов, намазали руки и лицо «Дэтой», и углубились в тайгу.

Печорская тайга – это не леса в Подмоскowie, исхоженные вдоль и поперёк грибниками и туристами. Тайга – это сотни и тысячи километров непроходимых лесных массивов с болотами, валежником, буераками и дикими животными. Тут вполне можно наткнуться в малильнике на медведя, встретиться с рысью, росомхой или волком, не говоря уже о более мелких и безобидных зверушках. И ещё комары, гнус и мошка, хотя, справедливости ради, стоит отметить, что в середине августа их значительно меньше. Ориентироваться в тайге очень сложно, поэтому из всех способов ориентировки мы предпочитали один, но самый надёжный – не удаляться от железной дороги в пределах слышимости гудка тепловоза и, надо сказать, это всегда у нас получалось.

Грибов было действительно много, даже очень много. В самом начале, как только зашли в лес, мы с радостью собирали волнушки, рыжики и прочие условно-съедобные грибы. Чем дальше мы углублялись в тайгу, тем чаще попадались полянки, на которых росли одни подосиновики. Они стояли, не прячась, открыто, да и от кого здесь было прятаться. Мы поспешно выбрасывали рыжики и прочие волнушки, и брали только крепкие подосиновики, или, как их зовут в народе – красноголовики. День складывался удачно – до обеда мы почти наполнили свои ёмкости грибами, и, несмотря на усталость, настроение у всех было приподнятое.

Место для отдыха и обеда выбрали на сухом южном склоне сопки. Как обычно, нарубили ельника, развели костёр, расстелили кусок полиэтиленовой плёнки, выложили остатки продуктов, разлили водку, выпили и начали наперебой делиться впечатлениями и хвастаться своими трофеями. Отдыхали около часа – лежали, курили и набирались сил для нового рывка. Мишка с женой, уединившись в стороне, о чём-то шептались. Было видно, что Лена устала, но, несмотря на это, ей явно нравилась наша поездка. Хотя, если честно, то устала не только она. У меня гудели ноги, хотелось просто лежать и смотреть в небо, по которому плыли облака, но куда деваться, нужно было подниматься и идти. В общем, договорились побродить ещё часа два-два с половиной, наполнить грибами похудевшие рюкзаки, и выдвигаться в сторону станции.

Я первым собрал свои вещи, и сказав:

- Догоняйте, – двинулся вверх. Поднявшись на вершину сопки, я увидел, что внизу, в ложбине, росли молодые осинки – верная примета грибного места. Забыв усталость, стараясь опередить своих приятелей, я поспешил вниз. Мне хотелось до их подхода единолично обработать грибные полянки. Место, и в самом деле, было замечательное – подосиновики попадались крепкие и, как на подбор, одного размера. Я переходил от одной полянки к другой, и вскоре почти наполнил свой рюкзак. Сбор грибов так увлёк, что я не обратил внимания, что не слышу моих друзей, хотя по моим прикидкам, они должны были находиться где-то поблизости. Выждав какое-то время, я крикнул:

- Мужики, ау! Где вы? – Прислушался – тишина. Я крикнул громче, и на этот раз услышал в ответ слабое «ау», но совсем в противоположной стороне. Закинув за плечи рюкзак, я пошёл в том направлении, попутно не забывая собирать красноголовых красавцев. Минут через десять, я опять прокричал «ау», и мне отозвались, но уже значительно ближе. Голос бы женский, и я очень удивился этому. Двинувшись на голос ускоренным шагом, минут через пять, я увидел Лену. Она была одна.

- А где ребята?

- Я не знаю.

- А как ты здесь оказалась и почему одна?

- Когда ты ушёл, ребята сказали мне: «Лен, иди за Серёгой, мы вас догоним», – я и пошла.

Я понял, что Андрюха и Мишка просто захотели ещё выпить, а чтобы Лена не стесняла их, послали её догонять меня.

- Ну, а где они сейчас?

- Не знаю. Я пошла за тобой, наткнулась на грибы – хожу, собираю.

- Ладно, будем их искать, – я повернулся и пошёл в том направлении, где по моим предположениям, должны были быть Мишка и Андрюха. Периодически я останавливался и кричал:

- Ау, мужики, отзовитесь! Но мои крики вязли в тайге, не возвращая мне в ответ даже эхо. Мы шли вверх по склону сопки и через полчаса оказались на её вершине. Я кричал, аукал, но все мои усилия были тщетны – тайга молчала. Всё это мне очень не нравилось, но что-то нужно было делать, и я сказал Лене:

- Надо спуститься вниз, отыскать место, где мы обедали. Наверняка, они где-то рядом.

И хоть я хорошо помнил, что обедали на поляне, метрах в ста от вершины сопки, мы с Леной исходили весь склон вдоль и поперёк, но места привала не нашли. И тогда у меня внутри появилось чувство тревоги. «Стоп», – сказал я сам себе, – «если мы не можем отыскать места, это значит, ищем его не там. Выходит, мы заблудились!» Я посмотрел на небо, оно было затянуто низкими серыми облаками. Определить, где находилось солнце, было невозможно. Оглядевшись, я обнаружил, что таких сопкок, на одной из вершин которой мы стояли с Леной, вокруг было несколько. Они, словно близнецы, ничем не отличались друг от друга.

«Ну, хорошо», – думал я, – «заблудились, с кем не бывает. Посидим здесь, на вершине, с полчаса, услышим, в какой стороне гудит тепловоз, значит нам туда. Выйдем к железной дороге, а там до станции рукой подать, встретимся с ребятами и поедем домой». Но, посидев полчаса, а потом и ещё полчаса, мы не услышали ни одного тепловозного гудка. Но, даже несмотря на это, ни я, ни тем более Лена, до конца ещё не могли осознать всю драматичность ситуации, в которую мы попали.

- Что будем делать? – спросила меня Лена. Я посмотрел на неё – выглядела она усталой, но не испуганной.

- Пойдём к железной дороге. Ребята, наверное, на Сивую Маску ушли, – бодро ответил я и закинул за спину рюкзак.

- А где железная дорога? – спросила Лена.

- Там, – показал я рукой в ту сторону, где как мне казалась, должна была быть «железка». И мы двинулись в указанном направлении.

На встречающиеся тут и там красноголовики, мы с Леной внимания уже не обращали – шли молча, только иногда я кричал: «Ау, мужики!» Отмахав несколько километров по тайге и, забравшись на очередную сопку, мы остановились передохнуть. Очень хотелось пить, гудели ноги и болели руки. Сняв рюкзак и поставив поклажу с подосиновиками на землю, я напряжённо вслушивался в окружающую нас тишину, в надежде уловить хоть какой-то звук, похожий на гудок тепловоза, но всё было напрасно. «Если мы далеко отошли от «железки» и не слышим гудков, то у нас остаётся один выход – искать таёжный ручей. Ручьи все текут к реке, а значит к железной дороге. И мы обязательно его отыщем, вот только вопрос – когда? Конечно, было бы лучше, если бы я был один, но, увы, как сложилось, так сложилось. Хорошо ещё, что Мишкина жена держится достойно – не ноет и не впадает в панику», – я искоса посмотрел на Лену. Она сидела, прислонившись спиной к стволу ели, и казалась безучастной ко всему, что с нами происходит. Почувствовав на себе мой взгляд, Лена открыла глаза, улыбнулась и спросила:

- Скоро придём, Серёжа? Устала я что-то.

- Скоро, потерпи, – бодро ответил я. Ответить по-другому просто не поворачивался язык. Хотя чувство тревоги в груди нарастало, мне не хотелось признаваться даже самому себе, что мы попали в серьёзную передрыгу.

Я докурил, тщательно загасил окурок и щелчком отбросил его в сторону. Потом посмотрел на часы, прошло уже три часа с того времени, как мы расстались с приятелями, и если бы всё было хорошо, то мы бы уже, наверное, подходили к Сивой Маске, а оно видишь, как получилось – где они неизвестно, где мы – тоже.

- Ну что, отдохнула? Давай потихоньку пойдём, к ночи хотелось бы добраться до станции, – сказал я, поднимаясь, и забрасывая рюкзак за спину.

- А если мы не доберёмся? – спросила Лена.

- Доберёмся, – ответил я и, не оглядываясь, пошёл вперёд.

И опять потянулись буераки и заболоченные низины, на островках которых росла морошка. Боясь провалиться в болото, низины приходилось обходить, делая громадные крюки, и прыгая по кочкам. Хорошо ещё, что не очень донимали мошки и комары. Хотелось пить, но я знал, что весь наш запас воды ограничен алюминиевой солдатской фляжкой у меня в рюкзаке. Внезапно меня осенило, а что мы мучаемся? Нужно выбросить грибы из ведра и в него набрать воды из болота, а из фляжки попить. Я остановился, достал из кармана рюкзака фляжку и протянул её Лене.

- Пей, – она удивлённо посмотрела на меня, взяла фляжку и с жадностью припала к ней. Сделав несколько глотков, возвратила назад. Я попил, завинтил пробку и положил её в карман рюкзака. Затем вывалил из ведра грибы и из болотной лужицы зачерпнул полведра воды. И вот тут она меня спросила:

- Скажи, Серёжа, мы заблудились? А мы сумеем выйти? А если нет, нас искать будут? – она задавала вопросы, на которые у меня не было ответов. Хотя нет, на один из них – «мы заблудились?» – я уже точно знал ответ – да, мы заблудились. То, что мы выйдем, я не сомневался, но когда и куда – ответить не мог, а уж вопрос: «Будут ли нас искать?» – был по-детски наивен. Кто и где нас будет искать? У тайги нет начала и нет конца, а если и есть, то где они – знают только перелётные птицы. В городе постоянно рассказывали истории о том, как грибки пропадали в тайге, и эти истории мало чем отличались от нашей. Скрывать от неё, что мы заблудились, было уже невозможно и бессмысленно, я ответил:

- Да, заблудились, но ты не волнуйся, мы обязательно выйдем.

Её ответ меня удивил, если не сказать больше:

- А я не волнуюсь, я чувствовала, что со мной случится что-то необычное, и даже мечтала об этом.

Выйдя из болота, мы стали обходить очередную сопку – идти вверх напрямую уже не было сил. Приблизительно через час, мы вышли на огромную поляну синего цвета, это было так необычно и так красиво, что мы с Леной застыли на месте.

- Что это?! – спросила она.

- Голубика, – ответил я, скорее интуитивно, чем осознано, так как такое зрелище тоже видел впервые. Перед нами, наверное, на километр или больше, раскинулось синее поле, на котором низкорослые кусты голубики гнулись под тяжестью урожая. Стоило протянуть руку, сжать ладонь – и в руке была целая горсть ягод! Такого в своей жизни я не встречал. Мы рвали ягоды и горстями отправляли их в рот. Скоро наши лица превратились в синие маски. Щеки, губы, подбородок – всё было испачкано соком голубики. В какой-то момент, мы посмотрели друг на дружку и рассмеялись. Как-то сразу забылась усталость, исчезла тревога, мы просто смеялись, показывая друг на друга, и были похожи на расшалившихся детей. Вдоволь насмеявшись, мы снова набросились на спелую голубику, потом отдыхали, присев на трухлявый ствол упавшего дерева. Я курил и думал, что, скорее всего до наступления темноты мы не найдём ручей и не выйдем к железной дороге, что нам наверняка придётся заночевать в лесу, а у нас мало продуктов. Я искоса глянул на Лену – она восторженно смотрела на голубичную поляну и улыбалась каким-то своим мыслям. Заметив мой взгляд, и, как бы, оправдываясь за свою улыбку, она сказала:

- Серёжа, я никогда в жизни не попадала в такое приключение. Всё это мне очень нравится. «Ладно» – подумал я, – «хорошо, что не ноет, и не задаёт вопросов». Я посмотрел на часы и понял, что через два часа начнёт темнеть, и решил – обойдем голубику, будем искать место для ночлега. Засветло необходимо запастись на всю ночь дровами для костра, и нарезать лапника для постели.

- Ну что, двинули дальше? – спросил я.

- Давай соберём немного ягод с собой, они мне очень понравились! – неожиданно ответила она.

Я достал из кармана рюкзака полиэтиленовый пакет и протянул ей. Мы наполнили его голубикой за считанные минуты. Когда обходили поляну, в моей голове запоздало возникла мысль, что в таком месте вполне можно встретиться с хозяином тайги – мишкой, но всё обошлось благополучно.

Через некоторое время мы наткнулись на открытую полянку на сухом пологом склоне сопки.

- Всё, вот здесь и остановимся на отдых. Располагайся, – сказал я, поставив ведро с водой и корзину с грибами на землю, снял рюкзак, достал нож и пошёл резать лапник. Для ночёвки его нужно было очень много, чем толще будет постель, тем теплее и мягче будет спать. Когда я принёс охапку еловых веток, Лена спросила:

- А что мне делать?

- Собирай дрова на костёр, только далеко не отходи, – ответил я. Мы наносили еловых веток, собирали валежника и сухостоя на костёр. Я развёл огонь, вывалил из рюкзака грибы вперемешку с продуктами, и подсчитал наши припасы: банка консервов «Тефтели рыбные в томатном соусе», треть буханки белого хлеба, пачка грузинского чая, бутылка водки «Русская» и половина солдатской фляжки с водой.

- Сейчас будем ужинать, – сказал я, открывая ножом консервы, – сегодня у нас будет королевский ужин, в качестве горячего блюда испечённые на костре грибы с рыбным деликатесом в томатном соусе, что является лучшей закуской для оригинального напитка водка «Русская». Лена захлопала в ладоши.

- А на десерт – экзотическая ягода – голубика, заваренная с грузинским чаем! – она поддержала мою игру, чем в очередной раз удивила меня. Я каламбурил для поднятия её духа, а она, оказывается, и не собиралась им падать. Нанизав на прутик несколько сыроежек, я испёк их на костре. На две ровные части разрезал хлеб, одну половину завернул в полиэтилен и спрятал назад в рюкзак.

- Это на тот случай, когда нас начнёт мучить цинга, – не совсем удачно процитировал я Остапа Бендера, но она всё равно улыбнулась. Вторую половинку хлеба я порезал на четыре ломтика, каждый из них полил томатным соусом из банки, положил по две фрикадельки, и сверху накрыл испечёнными грибами. Достав раскладной пластмассовый стаканчик, наполовину налил его водкой и протянул Лене:

- Выпей, чтобы удача не отвернулась от нас!

- Вначале ты, Серёжа, мне первой страшно!

- Хорошо, – я долил стаканчик доверху и выпил, потом налил и протянул ей. Она зажмурилась и, с видом человека, прыгающего в ледяную воду, опрокинула водку в рот.

Выпив, она судорожно стала хватать ртом воздух, я поспешно протянул ей фляжку с водой.

- Хорошо пошла, – отдышавшись, и кого-то копируя сказала Лена. Я усмехнулся, и протянул ей бутерброд с грибами и рыбными тефтелями. Откусив от него, она сказала:

- Ничего вкуснее я в жизни не ела. – На десерт мы ели голубику и запивали грузинским чаем.

- Ну, вот и поужинали. Что дальше будем делать? – спросила Лена.

- Будем жечь костёр, согреем землю, затем перенесём костёр в другое место, а на согретое место набросаем лапника, и будем спать, – ответил я.

Ночь опустилась на тайгу, нас обступила крошечная темнота, из которой тянуло холодом и неизвестностью, я заметил, что Лена зябко поводит плечами. «Холодно ей», – подумал я, она действительно была одета совсем, не по сезону: тонкие трикотажные спортивные брюки, заправленные в резиновые сапоги, шерстяная кофточка и брезентовая штормовка. Я снял свой свитер и протянул ей:

- Надень, а то замёрзнешь.

- Спасибо, – она взяла свитер, надела его поверх кофты, сверху натянула штормовку, которая сразу стала ей тесной и спросила:

- А как же ты?

- У меня есть ещё рубашка, – я достал из кармана рюкзака фланелевую рубашку. Так мы просидели, наверное, часа два, разговаривая обо всём и ни о чём. Где-то внутри меня возникло ощущение, что мы знакомы очень давно и близко – так легко и просто мне было с ней. Потом я сгрёб костёр в сторону, подбросил в него дров, а нагретую землю застелил лапником.

- Постель готова, прошу Вас, мадам, – пошутил я. На шутку она не откликнулась, просто спросила:

- А ты?

- Я посижу, всё равно за костром следить нужно. Ну и чтобы никто не украл нас ночью.

- Тогда я тоже посижу, – она села рядом, чуть впереди меня. Её спина была всего в нескольких сантиметрах от моих рук.

- Так теплее: спереди костёр, сзади ты, – пояснила она. У меня перед глазами возникла картинка, как она утром у костра прижималась спиной к Мишке. Мои руки, не подчиняясь моему разуму, сами потянулись к ней, я обнял её за плечи и привлёк к себе, она не сопротивлялась – просто затихла.

- Так теплее? – спросил я.

- Да – мне хорошо.

Я уткнулся лицом в её волосы и крепче прижал к себе, забравшись рукой под свитер, стал нежно гладить её налитые, как яблочко соком, упругие груди. Она молчала, но я чувствовал, как с удвоенной частотой бьётся, пытаясь выпрыгнуть из груди, её сердечко. Что было потом – вспоминается с трудом. Мир вокруг нас исчез – на всей земле остались только я и она. Я целовал губы, глаза, шею, ласкал её, как никого и никогда до этого.

Потом мы лежали, обнявшись, на постели из еловых веток, укрывшись моей штормовой, нагретая костром земля отдавала нам своё тепло. Этой ночью мы так и не уснули, мы говорили, целовались, дарили друг другу ласку и нежность, как будто жили последний день. Пресытившись ласками, молча смотрели в темное небо, потом, будто очнувшись, рассказывали о себе, о своей жизни, самое сокровенное, что не рассказывали никому и никогда.

Когда в тайгу пришло серое северное утро, мы, утомлённые бессонной ночью, крепко обнявшись, спали у догорающего костра. Стараясь не потревожить Лену, я встал, подбросил дров в костёр, вскипятил чай в консервной банке, и только после этого разбудил её. Умывшись остатками болотной воды из ведра, мы сели завтракать. И тут Лена сказала:

- Как бы ни сложилась моя жизнь, чтобы ни случилось со мной, я никогда не забуду эту романтическую ночь!

- Я тоже всегда буду помнить вкус голубики на твоих губах, – ответил я.

Собрав свои скромные пожитки, высыпав грибы из корзин и вёдер, мы, налегке, отправились в путь. И опять: болота, валежник, сопки, буераки, гнус и мошकारа. В середине дня, мы вышли к таёжному ручью. Отдохнув, попив чаю с голубикой, съев последний кусок хлеба, мы пошли вниз по течению. Часа через два мы добрались до железной дороги. Ещё часа три у нас ушло на дорогу к станции. Когда уже до станции было, не более двух километров, Лена, словно угадав моё желание, сказала:

- Я устала, Сережа, давай отдохнём. Я с радостью согласился – расставаться с ней мне очень не хотелось. Мы сошли с насыпи и углубились в тайгу. Опять развели костёр, нарезали лапника, вскипятили чай и снова, как и прошедшей ночью, весь мир исчез для нас.

Когда мы пришли на станцию без грибов, уставшие, голодные, искушенные комарами и мошкой, нас встретили ребята. Мишка устроил Лене скандал, она молчала, а у меня было желание набить ему морду, но не было сил.

После этой поездки мы с Мишкой раздружились, он перевёлся на другой участок и развёлся с женой. А мы с Леной поженились. Больше за грибами я её не брал – ездил с мужиками. Да она и не просилась. В мае у нас родилась дочка, очень похожая на Лену, но с голубыми глазами, как у меня. Кстати, нашей девочке уже скоро сорок лет и нам с Леной она подарила внуков. Как быстро бежит время! Думаю, уже «не за горами» тот день, когда наши внуки будут ездить за грибами, и мало ли что может случиться...

Подаренная любовь

Ремонтная смена закончилась в двенадцать дня. Выехав из шахты, помывшись и сменив грязную спецовку на чистую одежду, я подумал: «А не заглянуть ли мне в комитет комсомола, провести Димку». Димка был моим другом детства и одноклассником, а в настоящее время работал секретарём комитета комсомола шахты. Сколько я помню, он всегда был крупным и неуклюжим, по этой причине ещё в раннем детстве его прозвали Слоном, и это прозвище прилипло к нему намертво.

Вежливо постучав и услышав солидное:

- Войдите, – я открыл дверь.

Кабинет у секретаря комсомола был такой же, как любого начальника – громоздкий письменный стол к которому торцом приткнулся приставной столик для посетителей. Подняв голову от бумаг, лежащих перед ним, и подслеповато прищурившись (Слон стеснялся носить очки), он увидел меня и сказал:

- А! Это ты! Садись!

Выдвинув стул, я примостился к приставному столику:

- Привет! Всё руководим? К народу нужно быть ближе, товарищ секретарь. Спуститься в забой, посмотреть на героический труд лучших представителей молодёжи! Донести в массы материалы последнего пленума ЦК. А ты протираешь последние штаны в кабинете!

Слон поморщился:

- Вечно ты со своими дурацкими шуточками. Без них никак?

- Да, ладно, Дим! Не лезь в пузырь! Я понимаю, что вдохновлять молодёжь на трудовые подвиги нужно именно из такого кабинета! Как дела?

- Дела у прокурора, а у нас какие могут быть дела, разве что личные? Выпить хочешь после трудовой смены?

- Кто же откажется, когда начальство наливает!

- Закрой дверь на ключ – бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт!

Отворив дверцу шкафа, рядом с которым стояло знамя комсомольской организации шахты, он достал пузатую бутылку коньяка «Плиска», два стакана и плитку шоколада.

Сколько я помню, Димка всегда занимал руководящие посты. В школе был председателем совета пионерской дружины, откуда плавно перешёл в комитет комсомола школы, а потом и возглавил его. На Димкино продвижение по карьерной лестнице, несомненно, оказывало влияние то, что его отец работал секретарем райкома партии. В принципе, Слон парень был неплохой – компанейский, любил выпить и поволочиться за женщинами. Ну и таких грехов, как стукачество и лицемерие по отношению к товарищам за ним не замечалось, и поэтому отношения у нас были дружеские.

Мы с матерью, отчимом, младшими братом и сестрой ютились в двух комнатухах барака на окраине посёлка. Зимой наш барак, бывало, заносило по крышу, и приходилось буквально откапываться, чтобы выбраться наружу. Они же: отец, мать и Димка жили в трёхкомнатной квартире в центре посёлка. Его отец был уважаемым человеком, а кто был мой отец – я не знал. Мать об этом упорно молчала, но судя по тому, что я рос отъявленным хулиганом, скорее всего, он был какой-нибудь урка, которых прошло через наш посёлок тысячи. Воспитывал меня отчим – дядя Толя. Он, отсидев десять лет как «враг народа», навсегда остался жить на Севере. Не сам конечно, просто не выездной стал, одним словом – «враг». Хотя какой он был «враг народа»? «Червонец» ему дали за то, что на выпускном вечере в институте постучал пальцем по голове бюста Сталина, чтобы определить, из чего отлит бюст вождя. На него тоже «постучали», и самый «гуманный в мире суд» отправил его на десять лет в «места не столь отдалённые». Освободившись, он сошёлся с матерью, ну и меня взял как довесок.

В комсомол я вступил не так давно – полгода назад – меня Слон уговорил. Как-то мы сидели в ресторане, были уже изрядно выпившие, и он расплакался, что по плану должен принять в этом квартале два человека в свою организацию. Привязался ко мне: «Выручай товарища – вступи в комсомол», – я, спьяну, согласился, а потом, когда протрезвел, уже поздно было – «слово не воробей». Так я стал комсомольцем, а до этого как-то мы шли параллельными дорогами – комсомол сам по себе, а я сам по себе. Разлив по стаканам коньяк, и разломав на дольки шоколад, Слон сказал:

- Ну, вздрогнули!

Закусив и тут же налив снова, он спросил:

- Хочешь съездить бесплатно в Польшу, на две недели?

- Кто же мне такое счастье подарит?

- Я, – важно ответил Димка. – У нас по «Спутнику» пришли две туристические путёвки с оплатой пятьдесят процентов. Вот мы тебя и отправим – одного и бесплатно. Я же твой должник. Давай, за твою поездку!

Он поднял стакан, чокнулся со мной и вылил коньяк в рот.

- Ты, наверное, шутишь? – выпив, спросил я.

- Какие шутки. Две путёвки «горящие». Их наверху продержали, наверное, хотели своим протолкнуть, да не получилось. Разрядка – молодые рабочие. Ты как раз подходишь, и если у тебя в армии секретного допуска не было, то, считай, ты уже в Польше.

- А отец? Меня из-за него туда не выпустят, – сказал я.

- При чём, здесь отец? У вас фамилии разные, он тебя не усыновлял, значит не отец. Да и времени мало, им глубоко копать некогда.

И действительно, всё получилось так, как говорил Димка. Прошло совсем немного времени, и он сказал мне:

- Твои документы пришли. Оформляй отпуск. Правда, твоя группа уже уехала, но это не беда. Приедешь в Москву, в «Спутник», там всё решат.

В Москве симпатичная молодая женщина, посмотрев мои документы, сказала:

- Сегодня в эту же страну отправляется группа туристов из Новгорода. Я поставлю в известность руководителя, что вы включены в её состав. Поезд отходит в восемнадцать часов от Белорусского вокзала. Вагон шестой. Не опаздывайте. Счастливого пути и приятного отдыха.

- Спасибо, – улыбнулся я.

В пять вечера я приехал на Белорусский вокзал. Руководителем группы оказался мужчина лет тридцати пяти, с лицом и замашками комсомольского функционера средней руки. Назвавшись Николаем, он представил меня новгородским туристам. Даже невооружённым взглядом было видно, что девчонок в группе было больше, чем парней. Они смотрели на меня с нескрываемым интересом.

Николай распределил нас по купе. В одном со мной оказались два парня и девушка. Я не успел даже забросить на верхнюю полку свою сумку, как один из парней попросил меня поменяться местами с девушкой из соседнего купе. Я согласился, для меня это мелочь, а для них может быть вопрос жизни и смерти. В соседнем купе ехали три симпатичные девчонки, и заставить уйти меня отсюда можно было только под угрозой расстрела. Как позже выяснилось, девчонок звали: Оля, Лена и Анастасия.

Присев на краешек нижней полки, я стал незаметно рассматривать своих попутчиц. Они были примерно одинакового возраста – лет двадцати, но все очень разные. Анастасия была в очках, с бронзово-рыжими волосами и мне показалось, что она стесняется своей внешности. Блондинка Лена явно считала себя первой красавицей. Холодная и внешне неприступная, она смотрела не на человека, а как бы сквозь него. Такие девушки у меня никогда не вызывали интереса. В большинстве своём они были эгоистками. Прямая противоположность ей Оля: среднего роста, худенькая, с тоненькой талией, коротко подстриженные русые волосы, очаро-

вательная улыбка, открывающая ровные белые зубки. Но самым главным её украшением были глаза – большие зелёно-карие, в глубине которых таились озорные огоньки, готовые всегда весёлыми искорками выплеснуться наружу. Такие люди готовы на неожиданные, даже дерзкие поступки, никогда не жалеют о содеянном, с ними легко и весело.

Молчание неприлично затягивалось. И тогда Оля, озорно сверкнув глазками, спросила:

- Нас всех мучает один вопрос – как вы попали к нам в группу? Вы, наверное, сотрудник КГБ? Будете за нами следить?

Засмеявшись, я ответил:

- Знаете, девчонки, давайте поступим так – сейчас время ужина, я приглашаю вас в ресторан. И там отвечу на все ваши вопросы. В глазах у Оли вспыхнули весёлые огоньки:

- Я пойду! – не задумываясь, ответила она.

Немного поколебавшись, согласилась и рыженькая Анастасия, а за ней и Лена.

Ресторан оказался в соседнем вагоне. Он только что открылся, и был полупустой. Заняв столик в середине зала, мы углубились в изучение меню. Просматривая меню, девчонки перешептывались и бросали смущённые взгляды на меня. Видимо, по ресторанам ходить им доводилось не часто. Я с интересом наблюдал за ними.

- Девочки, вы не стесняйтесь – заказывайте всё, что нравится. Нам на оперативные расходы дают много денег.

- Кому это вам? И на какие расходы? – испуганно спросила Анастасия

- Нам – сотрудникам КГБ. А оперативные расходы – деньги на вербовку осведомителей, – ответил я. В глазах у Оли я заметил рвущиеся наружу озорные огоньки смеха. Рыженькая, отодвинув стул, встала:

- Я лучше пойду.

— Это у него шутки такие, садись, – дёрнула её за руку Оля.

Посидев, наверное, чуть больше часа, мы изрядно сблизились. Девчонки разговорились, вели себя свободно и непринуждённо. С любой из них я мог свободно рассчитывать на более близкие отношения. Даже красавица Лена кокетничала и бросала из-под длинных ресниц томные взгляды, но меня не интересовала её неживая красота. Мне было больше по душе живое обаяние худенькой непоседы Оли.

В своё купе мы возвратились, когда за окнами опустилась ночь. Рассекая ночь, поезд мчал в неизвестность. За окошком проносились желтые пятна огней разъездов и полустанков. Колёса с глухим стуком отсчитывали километры пути, унося всё дальше и дальше от родного дома, вырывая из привычно очерченного жизненного круга. Лёжа на верхней полке с открытыми глазами, я смотрел на тускло горевшую лампочку и перебирал в памяти события прошедшего дня. День на удивление был бурным и насыщенным.

Меня уже почти сморил сон, как сквозь дрему я вдруг увидел, что Оля, лежавшая напротив меня, тихонечко спустилась с полки, осторожно отодвинула дверь и вышла из купе. Поначалу я не придал этому никакого значения, мало ли куда приспичило девушке. Но когда она не возвратилась через длительный промежуток времени, я тоже осторожно спустился вниз и вышел из купе. Оля сидела спиной ко мне на откидном сиденье в коридоре и, отодвинув занавеску, смотрела в окно. Она так задумалась о чём-то, что не услышала, как я вышел. Немножко понаблюдав за ней, я тихонечко подошёл и, положив руки на её плечи, спросил:

- Что нам не спится в поздний час?

Девушка вздрогнула, резко повернулась, в её глазах плеснулся неподдельный испуг.

- Ой, Лёша, как ты меня напугал! Я здесь так хорошо устроилась, смотрю в окошко, мне так нравится – никого нет, огоньки мелькают, и тут ты!

Испуг в её глазах погас, и в них опять загорелись задорные огоньки.

- Ты почему не спишь? – повторил вопрос я.

- А ты почему? – вопросом на вопрос ответила она.

- Я пока до Москвы добирался, все бока отлежал!

- А я не могу в поезде уснуть. Мне хочется посмотреть в окошко, это же так здорово!

Я откинул сиденье с другой стороны окна и, сев напротив, тоже стал смотреть в темноту, изредка разрываемую желтыми пятнами фонарей.

- Лёш, тебе не трудно будет принести мне кофточку из купе, что-то прохладно, – попросила меня Оля, зябко поведя плечами.

Я молча поднялся, осторожно открыл купе, девчонки спали, что называется «без задних ног». Забрав Олину кофточку, пластиковую кружку, бутылку сухого вина и плитку шоколада, которые принёс с собой из ресторана, я на цыпочках вышел в коридор. Накинув кофточку на плечи девушке я, открывая вино, сказал:

- Раз уж не спится, так давай получим от этого какое-то удовольствие.

- Давай, – с готовностью согласилась Оля.

Я протянул ей кружку с вином. Когда она выпила, я своей рукой вложил ей в рот кусочек шоколадной плитки.

- Какое обслуживание! Мне нравится! – девушка засмеялась, обнажив свои ровные белые зубки.

- Ну что, согрелась? – спросил я, поднимаясь с сиденья.

- Ты куда? – проигнорировав мой вопрос, спросила Оля.

- Пойду, покурю в тамбур.

- Я тоже пойду.

- Ты разве куришь?

- Нет, но иногда балуюсь.

Мы вышли в тамбур, я достал пачку «Беломора», одну папироску протянул Оле, другую, привычно смяв гармошкой, закусил в зубах.

- Я такие ещё не курила, – неуверенно взяв папиросу, сказала она.

- Тогда не кури. Они крепкие.

- А была, не была! – озорно сверкнув глазами сказала Оля, и потянувшись кончиком папиросы к зажжённой мной спичке. Как только она втянула в себя воздух с едким папиросным дымом, её тут же забил кашель. Кашляя девушка, согнулась пополам, и папироска из её руки выпала на пол. Я, пытаясь ей помочь прокашляться, легонечко ладонью постучал по спине. От моего прикосновения, Оля замерла и перестала кашлять. Ещё не понимая, что произошло, я задал дурацкий вопрос:

- Оля, тебе плохо?

- Нет, мне хорошо! – девушка выпрямилась и вызывающе посмотрела на меня. И тут меня пробило: «Да ведь я ей нравлюсь!» Я поспешно бросил на пол так и не прикуренную папиросу. Рукой, лежащей на её худенькой спине, привлёк девушку к себе и приняв к ней поцелуем. Под грохот колёс, свист ветра за окном, мы целовались с Олей в полутёмном тамбуре, почти до самой зари. Я зацеловал её лицо, губы, шею и грудь, изучил все её возвышенности и ложбинки на теле. Когда уже дело почти дошло до главного, она, отстранившись, сказала:

- Всё, пойдём спать. У нас с тобой впереди ещё целых две недели.

И хотя организм бунтовал и требовал немедленной разрядки, разум мне говорил обратное: «Она права, здесь не место. У нас ещё всё впереди». Так и не покурив, мы возвратились в вагон.

Посидев ещё у окошка в пустом коридоре, допив бутылку сухого вина и доев шоколад, мы отправились спать.

На следующее утро меня разбудил голос проводницы. Она разносила чай и просила пассажиров до приезда в Брест сдать постельное бельё. Осторожно приоткрыв глаза, я посмотрел вниз: мои попутчицы, уже одетые, умытые и накрашенные, сидели на нижней полке. На сто-

лике были разложены продукты для завтрака. Оля сидела рядом с рыженькой, её губы были припухшие, а на шее была повязана косынка.

На привокзальной площади Бреста нас ждал автобус «Икарус». В автобусе были два водителя и девушка – местный экскурсовод. Мы с Олей вошли в автобус последние, и места нам достались в конце салона. Оказывается, в программу входила экскурсия в Брестскую крепость. Все очень обрадовались этому, быть в Бресте и не посмотреть легендарную Брестскую крепость, это, конечно, неправильно. Мы осмотрели крепость, вернее целый мемориал, затем девушка-экскурсовод попрощалась с нами.

Пересечение государственной границы – процедура волнительная, особенно если ты это делаешь впервые. Конечно, мы все волновались, да и как было не волноваться, почти все везли с собой водку. Русская водка ценится по всему миру. Валюта можно сказать, даже если не продал, то назад не повезёшь. Но всё закончилось благополучно, ни у кого ничего не нашли, да и не искали. Молодой сержант в зелёной фуражке, придирчиво сличая фото с оригиналом, фокусируя своё внимание на особенно понравившихся ему девчонках, отштамповал нам в паспортах выезд с Родины, и мы оказались на нейтральной полосе. «А на нейтральной полосе цветы, необычайной красоты», – вспомнились мне слова из песни Высоцкого. Сколько я ни смотрел, цветов никаких не увидел. Поляки даже не стали высаживать нас из автобуса – в салон вошёл офицер-пограничник и, пройдя вдоль сидений, поставил штампы в наши паспорта. Пожелав нам счастливого пути и приятного отдыха, он покинул автобус. От Бреста до Варшавы чуть более двухсот километров, сообщил наш водитель, пообещав нас довезти за три часа. В Варшаве группу ожидал польский гид – миловидная женщина средних лет, с симпатичным именем – Агнешка.

После обеда группу посадили в автобус и повезли показывать Варшаву. Поездка по городу, посещение музея и смотровой обзорной площадки – всё это оставило у нас неизгладимое впечатление. Варшава была похожа на кокетливую, игривую, слегка взбалмошную женщину, которая желает очаровать каждого гостя. В центре города было множество магазинов, казино и баров, а на центральной улице средь бела дня предлагали свои услуги проститутки. Для нас, советских людей, всё здесь было ново, необычно и интересно.

Вечером, после ужина, было свободное время. Руководитель группы, как подобает отцу семейства, напутствовал нас отеческими словами: блюсти мораль и не поддаваться на провокации иностранных граждан. А лучше, совсем не вступать с ними в контакт, по одному не ходить и возвратиться в отель к одиннадцати вечера.

В Варшаве группа пробыла два дня. Дальнейший туристический маршрут выглядел так: город ткачей Лодзь, приморские города Гданьск и Гдыня, курорт на побережье моря – Сопот и конечным в маршруте был старинный Краков.

Гданьск и Гдыня находятся в двадцати пяти километрах друг от друга, а Сопот, небольшой курортный городишко, на полпути между ними. Нас поселили в маленьком отеле этого неприметного городка. Погода на побережье стояла тёплая, и мы с Олей всё свободное время проводили на осеннем пляже. Нам очень нравилось гулять по пустынному пляжу, целоваться, часами сидеть, прижавшись друг к другу, и слушать бесконечный шелест прибоя. Завороженно смотреть, как волны одна за другой накатываются на песок, и провожать взглядом уплывающие за горизонт морские суда. Мы бродили вдоль береговой линии, пытаясь отыскать кусочки янтаря, который, как известно, в этих места просто валяется под ногами, и на второй день мне повезло – нашёл не кусочек, а целое янтарное ожерелье, утерянное кем-то из отдыхающих. Ожерелье было искусно сделано, выглядело очень красиво. Оля радовалась находке, как ребёнок. Помыв в морской воде, я надел его ей на шею. От радости она, повисла на мне и приникла к моим губам долгим поцелуем:

- Спасибо, Лёша – ты самый лучший! А я самая счастливая!

Воодушевлённые находкой, туристы из моей группы, в полном составе, до темноты просеивали песок на пляже, стараясь отыскать янтарь, но, увы, ожерелье оказалось единственным и досталось оно Оле. С наступлением темноты поиски прекратились, и туристы, группами и поодиночке, потянулись в отель. Мы с Олей остались одни на опустевшем пляже. С моря дул лёгкий бриз, появлялись и исчезали в темноте загадочные огоньки.

Я постелил, на ещё не остывший от скупого осеннего солнца песок свой светлый плащ, и мы, тесно прижавшись друг к другу, расположились на нём. То, в чём отказала мне Оля в тамбуре вагона пассажирского поезда Москва – Брест, случилось у нас с ней на пустынном балтийском берегу небольшого польского городка Сопот. Потом, мы долго лежали обнявшись. Над нами ярко сияло звёздное небо. Было пронзительно тихо, только шелестел прибой. Тишину нарушила Оля:

- Лёш, а ты у меня первый.

- Да. Я знаю.

- Тебе хорошо со мной?

- Очень!

Мы помолчали. Через какое-то время Оля сказала:

- Холодно, пойдём в отель.

Мы встали, привели себя в порядок, я нежно обнял её за талию, и мы, не торопясь, пошли в отель. На следующий день, после завтрака, группа выехала в Краков.

В Кракове нас разместили в дешёвенькой гостинице с названием «Дом туриста». Как я заметил, жили в ней в основном молодые люди. Гостиница была чем-то похожа на наши студенческие общежития. На первом этаже кроме ресторана, где мы ужинали, был ещё бар. В баре стоял полумрак, играла музыка, танцевали молодые люди. У барной стойки сидели парни и девушки, они что-то пили и весело смеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.